

Ирония в посланиях и амфигури Антония Погорельского

Марина Викторовна Терехова, Литературный институт имени А. М. Горького (Россия, Москва),
tmarik85@mail.ru

DOI: 10.31857/S0131611724030081

аннотация: В статье анализируются приемы создания иронии в трех стихотворениях Антония Погорельского: «Неелов беспутный...», «Послание к другу моему N. N., военному человеку» и «Абдул-визирь...». В двух стихотворениях, написанных в жанре послания, причем конкретной его разновидности, а именно — послания о поэтическом творчестве, традиционные дихотомии (талантливый ленивец и бесталаный труженик; странник и домосед) Погорельским парадоксализируются и наполняются неожиданным содержанием. Иронический эффект строится на псевдообличении или, напротив, псевдовозвышении адресатов послания, а также на демонстративном преподнесении заведомо ложного и несостоятельного как должного. Автор обращается к приему «надевания масок»; прибегает к снижению патетики (в частности, темы высокого призвания поэта), сочетая высокий стиль с разговорной лексикой, используя гротеск и подчеркнутую условность (например, портреты-шаржи), а также создает коннотативные оппозиции. В третьем стихотворении, написанном в жанре амфигури, Погорельский конструирует образ абсурдной реальности, используя приемы соединения несоединимого и нарушения логических связей. Принимая во внимание присутствие в поэзии Погорельского и других посланий, где ирония не обнаруживается, можно сделать вывод о том, что ирония не присуща жанру послания вообще, она является художественной задачей автора в данных конкретных произведениях. Рассмотренные приемы, лишь намеченные в ранней поэзии, будут

продуктивно использоваться А. Погорельским в дальнейшем, в период зрелого творчества.

ключевые слова: Погорельский, ирония, послание, смысловая оппозиция, маска

для цитирования: Терехова М. В. Ирония в посланиях и амфигурии Антоны Погорельского // Русская речь. 2024. № 3. С. 89–102. DOI: 10.31857/S0131611724030081.

The Language of Fiction

Irony in the Epistles and Amphiguri of Antony Pogorelsky

Marina V. Terekhova, Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing (Russia, Moscow),
tmarik85@mail.ru

ABSTRACT: The article analyzes the techniques of creating irony in three poems by Anthony Pogorelsky: “Neelov the dissolute...”, “Message to my friend N. N., a military man” and “Abdul the Vizier...”. In two poems written in an epistolary genre, namely, in a form of a message about poetic creativity, traditional dichotomies (a talented lazy person and a mediocre worker; a wanderer and a homebody) are being paradoxized by Pogorelsky and filled with unexpected meaning.

The ironic effect is based on pseudo-exposure or, on the contrary, pseudo-exaltation of the message recipients, as well as on the demonstrative presentation of obviously false and untenable matters as if they were due and proper. The author refers to the technique of “putting on masks”; resorts to reducing pathos (in particular, in the poet’s high calling theme), combining high style with colloquial vocabulary, using grotesque and emphasized convention (for example, cartoon portraits), and creates connotative oppositions.

In the third poem, written in the amphiguri genre, Pogorelsky constructs an image of the absurd reality, using techniques of combining the incompa-

tible and breaking logical connections. Taking into account the presence of Pogorelsky and other epistles in poetry, where irony is not found, it can be concluded that irony is not inherent in the genre of the epistle in general, it is the artistic task of the author in these specific works. The considered techniques, only outlined in early poetry, will be productively applied by A. Pogorelsky in the future, during the period of mature creativity.

KEY WORDS: Pogorelsky, irony, message, semantic opposition, mask

FOR CITATION: Terekhova M. V. Irony in the Epistles and Amphiguri of Antony Pogorelsky. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2024. No. 3. Pp. 89–102. DOI: 10.31857/S0131611724030081.

Антоний Погорельский (Алексей Перовский) за свою недолгую жизнь проявил себя в самых разных сферах деятельности. Философ и филолог по образованию, он был также переводчиком, специалистом в области биологии, служащим Сената, офицером-добровольцем во время войны 1812 года. В историю же литературы он вошел прежде всего как разножанровый прозаик. Его перу принадлежат такие произведения: повесть «Лафертовская маковница» (1825), сборник повестей «Двойник, или Мои вечера в Малороссии» (1828), волшебная повесть для детей «Черная курица, или Подземные жители» (1829), рассказ «Посетитель магика» (1829), незавершенный роман «Магнетизер» (1830), роман «Монастырка» (1833), а также ряд критических статей, в частности, посвященных поэме А. С. Пушкина «Руслан и Людмила». Наследие Погорельского невелико по объему, но при этом во многих жанровых и тематических областях он был «первопроходцем». Так, гоголевский цикл «Вечера на хуторе близ Диканьки» и роман в повестях «Русские ночи» В. Ф. Одоевского были созданы не без влияния «Двойника...» Погорельского, а в повести «Черная курица, или Подземные жители» впервые в русской литературе столь полно и глубоко был воссоздан внутренний мир ребенка.

Однако помимо прозаических произведений перу Погорельского принадлежат также несколько стихотворений. Они еще не становились объектом специального исследовательского внимания, в то время как целостное и всестороннее рассмотрение художественного мира писателя представляется очень важным. Именно в стихотворениях, с которых и начинался творческий путь писателя, обнаруживаются «ключи» к стилю его последующих зрелых произведений.

Всего известно шесть стихотворений Антония Погорельского. Три первых, «Неелов беспутный...», «Послание к другу моему N. N., военному человеку» и «Абдул-визирь...», написаны не позднее 1811 года. В это время Погорельский входит в круг московской творческой молодежи, приобретая репутацию мастера розыгрыша, игры и мистификации. Он также сближается с Вяземским, который отметил зарождение в нем поэтического дара:

И тебе и нам в то время
Тайной всем был твой удел;
Но уже таилось семя,
Но в тебе художник зрел [Вяземский 1935: 251].

В стихах этого периода доминирует игровое, ироническое начало. Второе обращение Погорельского к поэзии происходит через несколько лет; он пишет такие стихи, как «Странник-певец» (не позднее 1818 г.), «Друг юности моей! Ты требуешь совета?..» (не позднее 1819 г.), «К Тиндариде. Горация книга I. Ода IV Velox amoenum saepe Lucretilem» (не позднее 1820 г.). Здесь уже преобладает совершенно иная, элегическая интонация. Показательно, что ранняя и поздняя части условной «гексалогии» содержат обращения к одним и тем же жанрам, к сходным образам и приемам, но соотносятся между собой как «низкое» и «высокое».

В первых двух ранних стихотворениях Погорельский обращается к жанру послания. Еще в XVIII в. послание определялось В. К. Тредиаковским исключительно как «разговор на письме», стиль которого должен быть «краток, силен, ни высок, ни низок, прямо дело изъясляющий» [Тредиаковский 1963: 389]. В 1810–1820-х годах послание становится одним из ведущих лирических жанров, появляются разновидности послания, формируются черты поэтики, складывается круг тем и мотивов. Однако трудность в определении жанра послания в том, что оно может вместить как иронично-сниженное содержание, так и серьезное, трагическое. Как отметил М. Л. Гаспаров, «формальный признак послания — наличие обращения к конкретному адресату и соответственно такие мотивы, как просьбы, пожелания, увещевания и пр. Содержание послания <...> преимущественно морально-философское и дидактическое, но были многочисленные послания повествовательные, панегирические, сатирические, любовные и пр.» [Гаспаров 2001: 763].

Стихотворение «Неелов беспутный...» адресовано Сергею Неелову, признанному в кругах московского молодого дворянства острослову и мастеру поэтических экспромтов и импровизаций. Тематика стихотворения традиционна для дружеского послания — поэтическое творчество.

Как отмечает Е. В. Богданович, в посланиях на подобную тему поднимаются вопросы «славы и бесславия, зависти и презрения к общественному мнению, гениальности и бездарности, которые развиваются с опорой на определенный набор мотивов, получающих разные интерпретации и входящих в различные сочетания и оппозиции» [Богданович 2011: 9]. В стихотворении Погорельского высокие темы снижаются, а оппозиции — парадоксализируются. Основной прием, создающий иронический эффект, строится на псевдообличении адресата послания:

Неёлов беспутный!
С ума ты слетел;
От лиры бесструнной
Стихов захотел!¹

Неелов именуется «беспутным» и «слетевшим с ума», ибо хочет стихов от «лиры бесструнной» (если вспомнить «Риторику» Аристотеля, то «лирой бесструнной» там именуется лук, но в данном случае смысл оксюморона более прозрачен: отсутствие поэтического таланта). Все эти именования Неелов заслуживает именно потому, что видит поэта в том, кто им не является, а именно — в адресанте послания. Далее Неелов именуется хлестким словом «повеса», и в его адрес продолжают обличительные по форме высказывания:

Ты знаешь, повеса,
Что я не поэт,
Ни меры, ни веса
В стихах моих нет.

Однако содержательно это вновь не что иное, как констатация собственной творческой несостоятельности. Но вместе с тем — и в этом тоже парадокс, создающий комический эффект, — обращается Погорельский к адресату именно в стихах.

В следующем четверостишии Неелову выдвигается новое обвинение, а именно — насилие над адресантом:

А тащишь насильно
Меня на Парнас;
И так изобильно
Хлыстовых у нас.

¹ Здесь и далее стихи А. Погорельского цитируются по изданию: *Погорельский А. Избранное* / Ред., статья и комментарии М. А. Турьян. М.: Советская Россия, 1985. 432 с.

Иронический эффект создается как путем парадоксального снижения высокого («наси́льно тащить» в обитель муз), так и сокрытием, уводом в подтекст главной причины «обвинений». Погорельский не называет себя впрямую графоманом, но имплицитно уподобляет «королю графоманов» Д. И. Хвостову, подчеркнуто переименовав его фамилию и делая ее фактически нарицательной. Иными словами, подразумеваемое саморазоблачение как будто бы вновь оборачивается разоблачением других. Более того, Погорельский идет еще дальше, помещая себя в стан *осуждающих графоманию*:

Ах! сам же, бывало,
Я их осуждал;
Над ними немало
Я сам хохотал.

Последнее четверостишие наконец высвечивает весь иронический подтекст стихотворения:

А ныне не смею
Тебе отказать —
Тружусь, потею,
И должен писать!

Происходит это за счет «снятия масок» адресата и адресанта. Как отмечает К. М. Шилихина, «...ключевыми становятся понятия отношения автора, маски, притворства и отстраненности. Писатель, подобно актерам, притворяется, надевает маску, отстраняясь от собственного текста» [Шилихина 2014: 48]. Неелов из «беспутного повесы» превращается в имеющего власть и силу, автор же послания — в «не смеющего отказать» и трудящегося поневоле. Подобный финал, помимо прочего, иронически заостряет важную в посланиях о творчестве дихотомию: счастливая лень (знак свободы и таланта) / тяжелый труд (знак отсутствия и того, и другого). Так, Пушкин впоследствии назовет Батюшкова «Парнасский счастливый ленивец, / Харит изнеженный любимец», а сам Батюшков в послании А. И. Тургеневу использует выражение «Поэт, лентяй, счастливец / И тонкий философ». Вершиной раскрытия темы безблагодатного творца станет образ пушкинского Сальери. У Погорельского же образ бесталанного труженика иронично снижен: его единственной побудительной причиной писать является якобы «принуждение» Неелова, а не желание славы и даже не самообольщение. Соответственно, парадоксально переосмысливается и традиционная дихотомия, что также создает иронический эффект.

Финальная строка, подчеркнуто нарушающая ритмическую цельность стихотворения, — «продолжение впредь» — также множится ироническими

смыслами: это и обещание «впредь» все же писать (несмотря на саморазоблачение), но это и указание на возможное продолжение данного конкретного произведения (хотя очевидно, что его сюжет к этому никак не располагает).

Следующее стихотворение, «Послание к другу моему N. N., военному человеку», также посвящено поэтическому творчеству, но не только.

Его содержание еще шире: это уже оппозиция двух ценностных приоритетов: поэт и воин. Однако раскрывается тема вновь в ироническом ключе. В стихотворении условно можно выделить три части. В первой декларируется оппозиция, причем ирония видится уже в подчеркнуто-схематичных указаниях на сферы деятельности героев — через предметную конкретику:

Судьба определила
Владеть тебе мечом,
А мне она вручила
Чернильницу с пером.

Далее лирический герой-адресант недвусмысленно расставляет ценностные приоритеты. Ирония здесь обнаруживается и в однозначности этой расстановки, и в наивно-прямолинейной констатации собственной якобы «несостоятельности»:

Ах! Как, мой друг, завидно
Мне, глядя на тебя.
Я признаюсь — обидно
С тобой сравнить себя!

Тема невыгодного для адресанта контраста развивается посредством воссоздания двух портретов, которые, по сути, являются шаржами:

В серебряных ты латах
Летишь, как вихрь, с конём —
А я — сижу в палатах
С обгрызанным пером!

Характерно, что шаржирован не только герой-адресант — за счет сниженной детали («обгрызанное перо») и подчеркнутой условности («сижу в палатах»), но и адресат N. N.: при его описании вместо ожидаемого предложного падежа («летишь... на коне») использован творительный («летишь... с конем»). Помимо самоценного комизма воссозданной картины, комична и возникающая упрощенная параллель между героями: «летишь с конем» / «сижу с пером».

В следующем четверостишии от внешнего контраста адресант переходит к сопоставлению состоятельности действий обоих героев. Критерием этой состоятельности оказывается благосклонность некой условной дамы, носящей хрестоматийное имя героини древнегреческого пасторального романа — Хлоя:

Прекрасную слезами
Насилу тронул я;
Ты — шевельнул усами,
И Хлоя уж твоя!

Оригинальным и действенным языковым приемом, формирующим иронический эффект, является также создание коннотативных оппозиций, как это можно видеть в процитированных четверостишиях. Именно благодаря подобным оппозициям (мечом-пером, мечом-конем, слезами-усами) осуществляется шаржированное снижение двух изначально высоких «амплуа» — поэта и воина. При этом поэт вновь оказывается в проигрыше, причем в продолжение темы послания к Неелову возникает тема поэта-труженика, достойного сочувствия («насилу тронул»).

Вторая часть стихотворения представляет собой военные деяния адресата. Этапы «ратного пути» описаны в высшей степени схематично; их последовательность стереотипна до банальности: воину «булатный меч милее» «любви оков»; он «врагам вселяет страх», получает чин генерала, берет в плен визиря и награждается звездой. Схематизм, перечисление общих мест, шаржирование — все это действенные приемы, создающие иронический эффект. Но Погорельский использует еще один любопытный прием: все описанное является плодом воображения героя-поэта; это — картины, возникающие в его воображении. Смыслы интересным образом «оборачиваются»: адресант вроде бы исходит из убежденности в собственной приниженности и, наоборот, несомненных достоинств друга N. N., но очевидно, что ирония направлена на обоих героев. В завершающем череду воображаемых картин четверостишии ироничному ракурсу способствует предельная гиперболизация заслуг и наград воина:

Ты весь засыпан в злате,
Сияет грудь звездой;
А я — сию в халате,
Любуюсь тобой.

Последняя часть стихотворения призвана «снять маски» и дать взгляд на героев с иного ракурса. Образ N. N. в реальности лишен героического ореола, его участь незавидна. Воссозданный портрет является прямой противоположностью тому, что рисовалось в воображении лирического

героя, причем последовательно развенчивается каждый пункт нафантазированной состоятельности: воин лишен здоровья («здоровьем истощился»), состояния («и опустел карман»), остается в звании корнета и получает увечье («За всё сие наградой: / Корнетом без ноги»), и, наконец, последнее и главное — он теряет любовь. При этом ироническая патетика первых частей сменяется сниженной лексикой:

И к Хлое поспешивши,
Увы, бедняк узнал,
Что, рог луне отбивши,
Ты сам с рогами стал.

Вместе с тем нельзя не отметить, что, используя подобный прием, Погорельский следует жанровым канонам послания. Как отмечает В. А. Грехнев, «смена типажей — характерный композиционный прием послания, любившего созерцать, как сквозь вереницу “обликов” проступают все те же знакомые черты адресата» [Грехнев 1978: 32–48]. Иронический же эффект достигается именно разительным контрастом между надуманным «обликом» и реальными чертами.

В финале, не отступая от иронической тональности, автор приходит к выводу об иной расстановке ценностных приоритетов, подсказанной самой жизнью: военный героизм не приносит никаких жизненных благ и тем более морального удовлетворения, напротив — наносит ощутимый ущерб человеческой жизни. Завидовавший воину поэт в итоге оказывается в выигрыше; впрочем, и эта мысль подана иронично: удел поэта также не приносит благ, но он хотя бы не чреват ущербом:

А я — здесь у камина
Счастлив своей судьбой:
Остался хоть без чина,
Но с Лизой и с ногой.

Следует отметить, что объектом иронического осмысления в данном стихотворении выступает и одна из ключевых тем в посланиях на тему творчества, а именно — тема уединения поэта, его удаления в собственный мир (дом), уход от светской жизни. Погорельский вводит репрезентативные вещные детали, указывающие на пребывание в домашней обстановке (камин, халат), а также задействует и хрестоматийный в данном контексте мотив пребывания героя с возлюбленной (В. Э. Вацуро называет его — «обязательный атрибут поэтического уединения» [Вацуро 1994: 109]). Иронический же эффект создает не только демонстративная прозаизация («с Лизой и с ногой»), но и иронично осмысленная благодаря гротескной заостренности оппозиция: противопоставлены не «светский»

поэт и поэт «уединившийся», а поэт и воин. Итог же противопоставления подчеркнуто мелок: в приоритете оказывается не та или иная деятельность, но лишь относительно спокойное существование.

Стоит отметить, что это стихотворение создается Погорельским в один год с посланием К. Н. Батюшкова «Мои Пенаты», которое единодушно признается современниками своеобразным «жанровым эталоном», в частности в плане разработки темы творчества и уединения. Разумеется, послание Погорельского несопоставимо с батюшковским в художественном отношении, однако свидетельствует о его поэтической «прозорливости» и понимании тенденций времени, которое он даже отчасти опередил. Ироничное осмысление того или иного явления (метода, жанра, тематики) обычно появляется на этапе иссякания, упадка, Погорельский же иронически воплотил явление в высшей степени актуальное.

Третье стихотворение Погорельского, «Абдул визирь...» П. А. Вяземский охарактеризовал так: «Перовский написал амфигури (amphigouri), шуточную, веселую чепуху» [Вяземский 1883: 413]. Далее Вяземский пишет о шалости «удачного мистификатора» Погорельского, которая состояла в том, что он принес эти стихи Антону Прокоповичу-Антонскому, председателю Общества любителей русской словесности, заявив, «что желает прочесть стихи свои в первом публичном заседании общества», чем вызвал «смущение робкого Антонского» [Вяземский 1883: 414]. Этот факт дает основание полагать, что стихотворение было написано в 1811 году — в год основания Общества и, соответственно, проведения его первого заседания.

Как такового объекта иронии в этом стихотворении, кажется, не прослеживается; на первый план здесь выходят игровые приемы, создающие то, что было названо Вяземским «веселой чепухой», а именно — подчеркнуто абсурдную реальность. Тем не менее анализ показывает, что Погорельский остается верен своему стилю и стилистическая связь с ироническими посланиями здесь явно прослеживается.

Так, все стихотворение представляет собой череду мало связанных между собой по тематике четверостиший, построенных, однако, сходным образом. В каждом фигурирует некий известный политический, культурный или религиозный деятель, помещенный в абсурдную, неподобающую ситуацию:

Абдул визирь
На лбу пузырь
Свой холит и лелеет.
Bayle, геометр,

Взяв термометр,
Пшеницу в поле сеет.
А Бонапарт с колодой карт
В Россию поспешает.

Садясь в балон,
Он за бостон
Сесть Папу приглашает.
Но Папин сын,
Взяв апельсин,
В нос батюшки швыряет.

Четверостишия «нанизываются» по кумулятивному принципу, и каждый последующий призван умножить абсурд происходящего, так как появляющийся новый персонаж присоединяется к остальным, совершая некое противоречащее логике и здравому смыслу действие: «Тут Магомет / надев корсет... / Их потчивает чаем»; «А Епиктет, / Чтоб минуэт / Плясать, надел калоши»; «Министр Пит / В углу сидит / И на гудке играет»; «Вольтер старик, Свой сняв парик, / В нём яицы взбивает».

Основной прием, который использует Погорельский (уже знакомый по «ироническим посланиям»), — смысловые оппозиции, основанные на контрасте масштаба личности человека и его неподобающих, нелогичных действий. Сюда же относится и обратное, а именно — придание ничтожным существам и явлениям значимости посредством использования высокой лексики:

То зря, комар
На самовар
Вскочив, в жару потеет.
<...>
Станица мух,
Скрепя свой дух,
Им хлопает в ладоши.

Однако здесь смысловые оппозиции столь гротескны, что создают образ «опрокинутой реальности». Можно также говорить и об использовании масок для героев. Условно говоря, перед нами скорее скоморохи, названные именами великих людей; однако задача этих скоморохов — не *высмеять*, а *рассмешить*. Именно поэтому здесь нет «второго смысла» и «исправления» неправильной картины мира в финале. Таким образом, приемы, в целом сходные с теми, что задействованы в иронических посланиях, выполняют в данном случае несколько иную функцию.

Как свидетельствует П. А. Вяземский, амфигури сочинял также и Неелов. В контексте нашего исследования интересны вот эти строки:

А Жан Расин,
Как в масле блин,
В бессмертья утопает.

<...>

А Бонапарт
С колодой карт

Один в пасьянс играет [Вяземский 1883: 360–361].

Очевидно, что Неелов здесь вступает в поэтический диалог с Погорельским — налицо и сходные приемы, и те же персонажи. Тот факт, что Неелов именно *реагирует на* амфигури Погорельского, подтверждается более поздней датой написания — по свидетельству Вяземского, это 1813 год (то есть Погорельский и в этом случае выступил *первым*, задающим тематику и стиль). Как можно видеть, у Неелова французский драматург и французский император помещены в едко-пренебрежительный — а не просто шуточный — контекст, что вполне естественно, учитывая время создания (сразу после Отечественной войны 1812 года). Но это не единственное отличие. В амфигури Неелова фактически отсутствует поэтика абсурда; он использует остроумные и неожиданные сравнения и метафоры, но это не создает абсурдную реальность, что блестяще удается Погорельскому. Можно сказать, что Погорельский в этом плане даже превосходит поэтические открытия отдаленного будущего, прежде всего обзориотов.

Итак, были рассмотрены три стихотворения Погорельского — два послания и одно амфигури. Анализ показал, что автор использовал широкий арсенал средств для создания в стихотворениях иронического эффекта. Учитывая наличие в творчестве Погорельского и других посланий, в которых ирония отсутствует, можно констатировать, что наличие иронии — не особенность жанра послания вообще, а художественная цель Погорельского в данных конкретных произведениях. Для достижения этой цели автор задействовал такие приемы, как переосмысление и парадоксализация традиционной для послания дихотомии (талантливый поэт — поэт-труженик), создание коннотативных оппозиций, снижение высокого (тематики, образов), что достигается, в частности, соединением высокого стиля и разговорной лексики. Также заведомо ложное и несостоятельное демонстративно преподносится как должное, в финале же восстанавливается истинное положение вещей. Данные приемы, лишь намеченные в ранней поэзии, продуктивно использовались А. Погорельским в дальнейшем, в период зрелого творчества, что может стать предметом отдельного исследования.

Источники

Вяземский П. А. Избранные стихотворения / Ред. статья и комментарии В. С. Нечаевой. М.–Л.: Academia, 1935. 658 с.

Вяземский П. А. Старая записная книжка // Полное собрание сочинений князя П. А. Вяземского в 12 тт. Т. 8. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1883. 528 с.

Погорельский А. Избранное / Ред., статья и комментарии М. А. Турьян. М.: Советская Россия, 1985. 432 с.

Литература

Богданович Е. В. Стихотворное послание 1810-х — начала 1820-х гг. в контексте русской и французской поэтических традиций: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2011. 23 с.

Вацуро В. Э. Поэты пушкинской поры. Элегическая школа. СПб.: Наука, 1994. 241 с.

Гаспаров М. Л. Послание // Литературная энциклопедия терминов и понятий. Институт научн. информации по общественным наукам РАН. М.: НПК «Интелвак», 2001. Стлб. 763.

Грехнев В. А. Дружеское послание пушкинской поры как жанр // Болдинские чтения. Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1978. С. 32–48.

Тредиаковский В. К. Новый и краткий способ к сложению российских стихов с определениями до сего надлежащих званий // Избранные произведения. М.–Л.: Советский писатель, 1963. С. 365–420.

Шилихина К. М. Дискурсивная практика иронии: когнитивный, семантический и прагматический аспекты: автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Воронеж, 2014. 50 с.

References

Bogdanovich E. V. *Stikhotvornoe poslanie 1810^{kh} — nachala 1820^{kh} gg. v kontekste russkoi i frantsuzskoi poeticheskikh traditsii*. Avtoref. dis.... kand. filol. nauk [Poetic message of the 1810s — early 1820s. in the context of Russian and French poetic traditions. Cand. philol. sci. diss. abstr.]. St. Petersburg, 2011. 23 p.

Gasparov M. L. *Poslanie* [Message]. Literary encyclopedia of terms and concepts Institute of Scientific information on social sciences of the Russian Academy of Sciences. Moscow, NPK "Intelvac" Publ., 2001, col. 763. (In Russ.)

Grekhnev V. A. [Friendly message from Pushkin's time as a genre]. *Boldinskie chteniya* [Boldin Readings]. Gorky, Volgo-Vyatka book. Publ. House, 1978, pp. 32–48. (In Russ.)

Shilikhina K. M. *Diskursivnaya praktika ironii: kognitivnyi, semanticheskii i pragmaticeskii aspekty* [Discursive practice of irony: cognitive, semantic and pragmatic aspects. Dr. philol. sci. diss.]. Voronezh, 2014. 50 s.

Trediakovsky V. K. [A new and short way to compose Russian poems with definitions of previously appropriate titles]. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Moscow, Leningrad. Sovetskii Pisatel' Publ., 1963, pp. 365–420. (In Russ.)

Vatsuro V. E. *Poety pushkinskoi pory. Elegicheskaya shkola* [Poets of Pushkin's time. Elegiac School]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1994. 241 p.